

О нравственном усилии в психологическом консультировании и психотерапии

В психологии есть такой термин: волевое усилие. Волевое усилие — это заметная внешнему наблюдателю и переживаемая субъектом деятельности активация всех ресурсов организма и личности для преодоления препятствий и трудностей на пути к достижению цели. Субъективно оно переживается как напряжение, вызванное стремлением к совершению требуемых действий. Об усилии интеллектуальном или, тем более, физическом и упоминать не стоит, так как и первое, и второе, полагаю, известны каждому отнюдь не только по учебникам психологии.

Другое дело, что в работе практикующего психолога и, в особенности, психолога-психотерапевта эта щекотливая то ли тема, то ли проблема не то, что зачастую обходится, но более того, как бы всячески переиначивается. Так, в гештальт-терапии для абсолютного снятия темы были даже придуманы принципы, совершенно исключающие всякий намек на любое усилие, не говоря уже о нравственном: «здесь и сейчас», «не думай о будущем, оно подумает за себя само» и т.п. В психоанализе, как известно, подчеркивается значимость усилия, но в ином, отрицательном, смысле — как постоянно действующее напряжение вытеснения для недопущения в

сознание нежелательных переживаний, что, в конечном итоге, искажает или даже патологизирует функционирование психики. В когнитивно-поведенческой психотерапии большое внимание уделяется процессам релаксации, и также всячески подчеркивается значимость сотрудиических моделей взаимодействия, допустимости различных способов конструирования той или иной символической реальности, которую создает своим поведением пациент и т.п. Между тем, сегодня мы настолько далеко отстоим по времени от калифорнийских гуру 60-х, от массачусетских экспериментаторов 40-х, а уж тем более от начала XX века в Вене с конными экипажами на ее улицах, с мрачным то ли прогнозом, то ли шуткой современника З. Фрейда писателя-фантаста Г. Уэллса, по поводу грозящей Лондону опасности утонуть в навозе, что поневоле закрадывается мысль о том, не утонули ли мы сами в прекрасных достижениях прошлого, беспомощно барахтаясь в одних и тех же когда-то новых, а теперь жеванных и пережеванных идеях. Мне могут возразить, что Д.И. Менделеев открыл периодический закон в 1868 году, и тот не устарел. Так более того, закон позволил открыть уже больше пяти десятков новых элементов. Потому что знание настоящее, живое продуктивно в отличие от умозрительной схоластики. Приведу простое соображение: никому из уважаемых коллег не приходило в голову, что между оральной и анальной стадиями психосексуального развития у ребенка проявляется фаза мануальная?

Не заслуживает ли это, не скрою, также наполовину эмпирическое, наполовину умозрительное утверждение уважительного внимания или мы все еще будем с умным видом писать о смене оральной стадии сразу же анальной? Чтоб не выглядеть докучным, задам еще два простых вопроса, так, для общего развития: как же тогда можно объяснить феномен мастурбации? Или: каким защитным механизмом можно объяснить то обстоятельство, что никто из приверженцев психоанализа не замечает до сих пор такого важного момента в развитии ребенка?

Проблема времени в статье, посвященной нравственному усилию, проявилась не случайно. Я утверждаю: преобладающие до сих пор концептуальные схемы в психологическом консультировании и психотерапии сами суть продукты определенного, прошедшего времени. Времени, когда погруженным в эмпирические наблюдения исследователям не приходило на ум, что то психологическое пространство, с которым они имеют дело, равно как и время, формирующее и структурирующее его, на самом деле суть некое единство, в котором прошедшее, настоящее и будущее не соотносятся между собой никакой иной смысловой связью, кроме той, которую может внести в нее человек. Потому сплошь и рядом оказывается, что люди, которые думают, что живут в настоящем времени, на самом деле живут в настоящем — прошлом, а те, которые думают, что ускоряют приход будущего, на самом деле оказываются в будущем прошедшего. Вероятно, одним из

первых эту странную особенность времени подметил Ф.М. Достоевский, вложив в уста Свидригайлова странную, на первый взгляд, мысль о будущем: «А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде»... Так что выделение лишь прошлого или настоящего, или, что еще хуже, только будущего, ради которого лишь и стоит жить — не что иное как искусственная редукция, возвращение к одной-единственной геометрии — геометрии Эвклида. Трудности здесь понятны. Дело даже не в том, что время текуче.

В языке существует множество слов, выражений, метафор для передачи столь остро ощутимого людьми явления как бег времени. Сама неуловимая, вероятно, оттого, что непредставима, скорость, с которой это вечно длящееся невидимое время уносит в небытие все сущее, оставаясь при этом неуничтожимым, не может не завораживать любого, кто способен помыслить секунду, день, год, век, эпоху, эру...

Недаром, по-видимому, божеству Хроносу в представлениях древних греков изначально приписывались взаимно исключаящие свойства. Так, согласно одним мифам, Хронос есть порождение Хаоса. Согласно другим — Хаос и Эфир суть порождения Хроноса.

Помимо многих чрезвычайно важных и необычных свойств времени (однонаправленность и необратимость; сингулярность прошлого и множественность будущего; то, что время является мерой движения; одной из координат пространства, вдоль которой протянуты мировые линии физических тел и др.), у

него есть еще одно волшебное свойство. Время обеспечивает изменение видимого положения объекта в зависимости от положения наблюдателя не только (что само собой разумеется) вследствие смещения в пространстве, но — и это в данном контексте главное — в истории. Вот этот временной, исторический параллакс, т.е. несовпадение видимого образа сейчас и в исторической перспективе и является абсолютным, бескорыстным, неоценимым даром Вселенной человеку. По крайней мере, тем из нас, кто понимает, что человек существует не только здесь и сейчас, но в истории. И не только как данность, но как потенция. И не только как субстанциональность, но как энергичность. Но только при одном условии: при условии нравственного усилия человека. Если же время-пространство не имеет в своем содержании человеческого нравственного усилия, оно, в сущности, проявляется как простое механическое движение, не имеющее для человека никакого смысла. Каждый из нас, вероятно, чисто инстинктивно ощущает это качество времени в оценке действий своих или другого человека. Есть люди — созидатели времени, есть его разрушители. Так же, как бывают эпохи безвременья, когда люди не способны переструктурировать свое пространство-время конструктивным образом. В нашей способности осуществить исторический параллакс — абсолютно бескомпромиссный проявитель масштабов твоих смыслов, твоих деяний и тебя самого — и скрывается волшебная человеческая сущность времени.

Возможно, именно поэтому, испытывая жгучее желание воплотить во что-то осязаемое свою пустопорожнюю сущность, интеллектуальные, точнее, духовные пигмеи всех времен, игрою положений опредмечивая собою подчас некую социальную функцию или идеологию, изо всех сил тщатся и тужатся в болезненных потугах оставить как можно больше напоминаний о себе — начиная с каменных истуканов и заканчивая созданием абсолютно никчемных текстов, не говоря уже о стремлении воплотить, сделать сущим то, что обречено быть ничем. Разотождествить себя, дорогого, с выпавшей по воле слепого или неразумного случая социальной или идеологической функцией им не дается в принципе. Как, впрочем, и осилить еще более простую мысль: из множества дырок от бублика не получится даже одной черной дыры Вселенной.

И вот, исходя из столь же произвольного, сколь и недоказанного суждения о том, что количество переходит в качество, этого мнения прусского бизнесмена, который почерпнул сей домысел у прусского же философа, все эти жертвы собственной амбициозности воображают, что их решения, их действия и продукты их действий непременно станут сущими и останутся в истории, если использовать подобный мультипликатор.

Однако универсальный физический принцип параллакса в его временном, сугубо историческом преломлении, как только Вселенная создает подходящего человека, удивительным

образом делает видимое невидимым, а невидимое — видимым. И тогда в действительности оказывается так, что горы исписанной бумаги исчезают, словно по мановению волшебной палочки, как будто не было ни этих книг, ни начертанных на их страницах многочисленных буковок или математических символов. А истинное слово, произнесенное тысячелетия назад, звучит и сегодня так отчетливо и ясно в сердцах, умах и душах людей, как будто оно только что родилось от синтеза высоких космических, или божественных, энергий. И, более того, мы знаем, чувствуем, понимаем: слово это будет так же звучать и завтра, и через тысячи лет. Потому что исторический параллакс лишь проявляет и делает более отчетливым его величие и масштабность судьбы.

Достаточно сравнить многие тома неясных философских формулировок с одним вразумительным высказыванием русского философа Михаила Михайловича Бахтина, и отличие путанного и ясного, преходящего и вечного делается очевидным: **«Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией»**. Или: **«Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она случайна и неукоренима»**. Какая бездна пролегла между этими, отлитыми из высочайшего прозрения смыслами, и жалкой, ни к чему не обязывающей игрой слов: «Все разумное действительно, все действительно разумно»!

Беда-то в том, что и неразумное претендует на действительность! И, следовательно, на разумность! И тогда вместо сокровенных понятий и сущностей «отец» и «мать» вводятся количественные числительные «родитель № 1» и «родитель № 2», вместо понятий «истина» и «ложь», или «заблуждение» — «плюрализм мнений». А вместо местоимений «он» и «она» оскорбительное для человека «оно».

Попытки подорвать представления о законе и норме как ориентирах, прежде всего нравственных, этических; попытки под прикрытием громких фраз об авторитарности и тоталитаризме разрушить естественные узы людей, выработанные в течение многих и многих тысяч лет устремления к истине, добру и красоте; попытки выдать локальное и преходящее за универсальное и вечное, болезнь за здоровье, а здоровье за болезнь — суть не что иное как гримасы обреченных в отчаянии неоспоримого факта, что настоящего будущего времени у носителей этого порочного сознания нет.

Вот с такими помыслами и надеждами я и принял решение представить чуткому вниманию коллег свои соображения в связи с проблемой нравственного усилия как необходимейшего звена, обеспечивающего самое возможность консультативной и психотерапевтической работы с человеком в начале третьего тысячелетия от той точки отсчета, которая привязана к началу эпохи христианства.

Иными словами, эта статья задумана как некое концептуальное высказывание, основной посыл которого —

попытка прояснения подлинной проблематики, относящейся к самой сердцевине именно психологического консультирования в том смысле, в которой она составляет чистый предмет психологической практики.

Исходный тезис состоит в том, что сердцевину именно психологического консультирования и терапии составляет не медицинская (это дело врачей), не идеологическая (это дело политтехнологов и психоаналитиков), не педагогическая (это дело бихевиористов и прочих тренеров), а собственно этическая проблематика. Именно об этом свидетельствуют исследования обращений за психологической помощью и контент-анализ содержания жалоб пациентов. В них преобладает спектр психологических переживаний, вызванных прежде всего травмой межличностных отношений (*обида, унижение, беспомощность, ощущение тупика, душевная боль*) [1]. В наводнивших наш книжный рынок многочисленных текстах представителей коммерческой парамедицинской или парафилософской практики спектр проблематики, относящейся как психотерапии в целом, так и к психологической помощи в частности, трактуется изначально и до сих пор в гораздо более обширном объеме и контексте. Возможно, принципиальное отличие в трактовке объема и содержания психотерапии в целом применительно к русской культуре и многообразным западным и вестернизированным подходам связано именно с тем обстоятельством, что в Русском мире благодать со времен киевского митрополита Иллариона (1051 г.) трактуется выше

закона. Иными словами, не рационально-умственный, а этический компонент вот уже более тысячи лет лежит в основаниях русской культуры и ментальности. Одним из следствий данного вектора духовного существования русской культуры выступает то обстоятельство, что сострадание, сопереживание настолько органично вплетены в ее ткань — как в возвышенных формах проявления (религия, философия, искусство), так и на уровне житейского сознания, что русский человек склонен даже к психологу обращаться не столько за сочувствием и состраданием (он имеет возможность удовлетворить подобную нужду и в повседневном общении), сколько именно за помощью в деле избавления от страданий. Фактически, за исцелением и излечением. Недопонимание этой кардинальной социокультурной переменной, точнее, детерминанты русской культуры носителями этой самой культуры и, наоборот, настойчивые попытки подорвать эту системообразующую константу русской ментальности именно логико-мыслительными идеологическими построениями приводят не просто к недоразумениям, относящимся к кросс-культурной специфике психологической теории и психотерапевтической практики, но к профанации самой психотерапии как важнейшего социального института [4; 2; 9; 11; 12]. В условиях трагической деформации высокой русской культуры тотальным хамством, этим трудно искоренимым последствием немыслимой по своей бесчеловечности антисистемы в ее классово-социалистском варианте А. Парвуса

— В. Ленина — Л. Троцкого, едва ли не более бесчеловечном и абсурдном, чем в расовом национально-социалистском Х. Чемберлена — Э. Ганфштенгля — А. Гитлера, задача наша по восстановлению культурных образцов как эталонных референций здорового образа жизни, так и психотерапии видятся нами в качестве первоочередных [3; 6] (и др.).

Трудности усугубляются задачами на проработку истинного соотношения универсального и локального, относительного и абсолютного, в содержании и объеме феноменологии, отражающей предмет психотерапии. К этому следует присовокупить задачи на степени и смыслы применимости инокультурных психотехник в работе с переживаниями русского пациента (страждущего) в отличие от западного или вестернизированного клиента (юзера). С учетом степени деформированности высокого русского сознания и привычкой носителей его низовой версии к обезьянничанью и смердяковщине, искусственно поддерживаемых замалчиванием простого факта, что русская цивилизация развивалась путем самопожертвования, а не за счет принесения в жертву других народов, разрешение этих вопросов не представляется нам слишком простым делом. Поиски ответов на обозначенные вопросы в пределах русской цивилизационно-культурной матрицы крайне необходимы еще и потому, что процессы и попытки разрешения этической проблематики за пределами русской культуры уже обозначили свое, свершено неприемлемое для нас направление, методологию и

вытекающие из этой методологии результаты. Достаточно обратиться к двум ярким примерам последнего десятилетия. Первый — широко разрекламированная книга специалиста по приматам Марка Хаузера «Мораль и разум», в которой специалист по обезьянам взялся рассуждать о человеческой этике, исходя из подсчетов выигрышей и плюсов простой арифметики: что более этично — принести в жертву одного или троих [7]. Второй — книга Владимира Лефевра «Algebra of Coscience», намеренно переведенная на русский язык с использованием слова, не отражающего даже самого названия книги, не говоря уже о содержании — «Алгебра совести» [5]. Подменив исходное правило булевой логики о том, что высказывание может быть либо истинным, либо ложным, произвольным допущением, что высказывание может содержать либо запрет, либо декларацию, автор фактически приводит себя к выводу, что дохристианская этика выше, чем этика христианская. При этом существо христианской этики, отрицающей жертвоприношение как принцип, остается вне поля внимания автора. Но содержащаяся в подтексте работы апологетика ноахизма, как и отсутствие аргументации о том, каковы, собственно, основания применить именно этот вид алгебры и вообще счетные процедуры к анализу этической проблематики остаются вне контекста рассмотрения. Исходный же методологический изъян указанных работ заключается либо в незнании, либо в сознательном игнорировании онтологического парадокса, восходящего еще к Сократу

Платона (диалог «Парменид»), смысл которого можно передать простыми словами: не выявив подразумеваемой аксиоматики собственных суждений, невозможно установить истинное знание о предмете. Еще один аргумент: геометрия Эвклида легко описывается как частный случай геометрии Лобачевского. Но геометрию Лобачевского невозможно постичь с позиций геометрии Эвклида. Иными словами,opus Лefевра, как и многостраничный текст Хаузера — ловко замаскированные идеологические поделки, а не научные исследования, что делает их в равной степени неприемлемыми для научного сознания. Впрочем, это и неудивительно. Ведь М. Хаузер профессор Гарвардского университета, одного из идеологических центров западнизма. А В. Лefевр — сотрудник Центра передовых оборонных исследований (CADS). Иными словами, оба автора заняты именно идеологическими разработками, а не беспристрастными научными исследованиями. Так что если и можно вести речь о незнании, то, скорее, о том, на которое и рассчитаны указанные идеологические снаряды.

Можно было бы упомянуть и о попытках заместить традиционный религиозный дискурс экзистенциалистскими рационализациями, трогательными, но, в сущности, парарелигиозными. Впрочем, как и положено тем, кто скрывает свои религиозные референции и преференции. Все это не просто свидетельство кризиса философской антропологии, какой она сложилась с середины XIX до конца XX века. Это

свидетельство исчерпанности антропологического дискурса, отрекшегося от постулата Николая Кузанского, что человек создан по образу и подобию Божьему. Отсюда столь бросающиеся в глаза болезненные и нарочитые попытки целенаправленной архаизации человеческого сознания, людских отношений, способов воспроизводства человеческого сообщества в целом. В каком бы виде эти процессы ни проявлялись и не реализовывались — будь-то в виде предельно анимализированной трактовки человека в мальтузианско-гоббсовском смысле с сопутствующими этому пониманию безосновательными попытками тотальной приватизации мира. Или в попытках использовать геном этноса для производства точечного биологического оружия. Или в потрясающем примитивизме современных социогенитиков, пропагандирующих с помощью голливудских звезд бессмысленные, хоть и дорогостоящие операции по превентивному удалению органов, якобы предрасположенных к онкологии. Или под непрерывные камлания о толерантности в абсолютно беспардонном насаждении противоестественных способов отношений между полами как нормы. Или в фактическом использовании рабского труда. Или в попытках сами религиозные институты, скажем, институт папства, поставить на службу определенной политике определенных сил. Все это, повторяю, проявления исчерпанности и тупика тех возможностей понимания человека, которым мы обязаны рассудочно-эмпирическим, глубоко редукционистским способам познания мира, из которых

исключается феномен человека как живого энергийного существа. Не автомата, не объекта приложения внешних сил, а пульсара жизни, наделенного разумом и способностями к непредопределенному трансцендированию. Трансцендированию не в ницшеанском смысле, когда сам человек выступает лишь средством для самоутверждения сверхчеловека, а в христианском, в смысле преодоления себя на пути раскрытия своей подлинной человечности. Человечности как универсального вселенского явления. Человечности в том понимании этого потрясающего феномена Вселенной, в котором его понимали Николай Кузанский, Эразм Роттердамский, Иоганн Кеплер, Тейар де Шарден, В.И. Вернадский. Отчего же так происходит, что умозрительные схемы, исходящие из надуманных представлений о человеке как о «speaking animal» или концепций «нулевого роста» и т.п. измышлений, в которых человек приравнивается то к животным, то к бумажным фигуркам, то к извращенцам, пытаются торжествовать и править, а ценой невероятных страданий и озарений рожденные в процессе развития новые, живые формы человеческого поведения и отношения к миру, основанные не на слепой покорности высшим силам, не на впадении и пребывании в состоянии постоянного транса, не на принципе ненависти и мести вплоть до жертвоприношения многих ради немногих или наоборот, а на признании тотальной недопустимости жертвоприношения и признании принципа милосердия высшим принципом человечества, человеческой

личности — высшей ценности мира, — эти универсальные аксиомы, казалось бы, должны стать уже врожденными, сплошь и рядом попираются, принося все новые и новые страдания? Чем это можно объяснить?

На наш взгляд, это проявление желания законсервировать время, пытаюсь придать пространству допотопную архаическую конфигурацию. Любые кризисные процессы, происходящие как с отдельным человеком, так и с социумом в целом, практически всегда сопровождаются запуском механизмов регрессии и агрессии. Но время-пространство развивается по объективным законам, которым подчиняемся и мы. Поэтому общий смысл происходящего я бы сформулировал так: муки агонии пытаются выдать за муки при родах. Пресловутое европейское измерение, в котором не оказывается такой референтной точки как христианская этика, есть не возвышение, а регрессивное впадение в атавизм. Публичное убийство в феврале 2014 года жирафа Максуда в датском зоопарке, а через две недели после этого на глазах у детей такое же публичное убийство и свежевание волка с демонстрацией его внутренних органов — это новая нравственность? Или это возвращение в варварство самого худшего толка, в варварство настоящих дикарей, но только не просто с каменным топором или гранатой, а с планшетом и ядерным оружием. Вот это-то атавистическое изменение форм общественного бытия, попирающее высокую христианскую культуру, и ставит вопрос о нравственности как об особом, умном чувстве, атрофия которого есть верный

признак дегенерации человеческого в человеке. Одними из первых об этом симптоме как признаке психического нездоровья писали Ч. Причард, Б. Морель, А.И. Сикорский, В.А. Чиж. Если посмотреть на проблему сугубо с медицинских позиций, учитывая, скажем, доказанным факт, что люди с нарушениями вентромедиальной префронтальной коры, как и те, кто страдает глубоким аутизмом, не испытывают мук совести и отличаются искажениями нравственного суждения, тогда проблема этического встает во всей ее методологической и жизненной бескомпромиссности. Ведь совесть есть диахроническое, т.е. трансвременное измерение вектора поступка. И тогда во всей своей сложности встают вопросы: где пролегает граница между этикой — продуктом нездорового мозга и этикой — продуктом определенной культуры? Что лечим: мозг, личность или культуру? А если культуру, то какого времени?

Для меня в свое время знаковым было знакомство с известным произведением Л.С. Выготского «Психология искусства». Я был потрясен тем, как такой могучий интеллект, всесторонне, филигранно анализируя поведение Гамлета, упорно не замечает, не видит очевидного: Гамлет — христианин. Он вернулся домой из Виттенберга, духовного центра Реформации. Его борьба с собой — это борьба человека, культура которого не приемлет ветхозаветной дохристианской мести, которой, возможно, инстинктивно, он бы и желал. Вся трагедия Гамлета заключается в его нравственных усилиях

избежать само собой как бы напрашивающегося ответного жертвоприношения, этой необходимости мести, по поводу которой в Евангелии, в Послании апостола Павла Римлянам сказано: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Аз воздам, — говорит Господь» (Гл. 12, стих 19). Вот истинная разгадка трагедии истинного человека: в его обретенной человечности.

Если перейти от высокой классики к нашей повседневной, обыденной практике: разве не ежедневно почти встречаемся мы в нашей работе с ситуациями, когда виктимизированная мужем-алкоголиком пациентка не может решить извечную дилемму: уйти или попытаться лечить? А если он не хочет лечиться, то уйти или все же остаться? Принять позицию жертвы или отринуть ее? А если все же решиться жить в данной ситуации, то какой ценой? Разве не ежедневно в своей работе мы встречаемся с конфликтами по поводу адюльтера или денежной зависимости, с проблемами виктимизации и виктимности? Иными словами, с ситуациями, которые, если этическая координата, этическое измерение игнорируются, выглядят как неразрешимые?

Не является ли главным камнем преткновения в консультативной и психотерапевтической работе ограниченность наших ресурсов воздействия в деле обеспечения именно нравственного усилия, как наших пациентов, так и тех, кто их виктимизирует?

Не является ли временной паралакс, выполняющий по отношению к человеку важнейшую функцию выведения за пределы ситуации в область трансцендентного, тем самым могучим рычагом, который и обеспечивает нравственное усилие на пути обретения и осуществления человечности как высшей формы трансцендентного?

Ведь нравственно усилие есть усилие личностного я, основное предназначение которого — преодоление бесчеловечного, а нравственный поступок обладает особой энергийностью, гарантирующей ему настоящее будущее.

Литература

1. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. К.: Кафедра, 2012. – 416 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: МГУ, 1984. – 240 с.
3. Клыпа О.В. Междисциплинарный подход к исследованию генезиса психологической мысли древнерусского периода // Психол. журнал. – 2014. – Т. 35. – № 1. – С. 80–89.
4. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл и др. / пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.
5. Лефевр В.А. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – 426 с.

6. Пергаменщик Л.А. Психологический код выживания Ивана Денисовича Шухова (Щ-854) // Консультативная психология и психотерапия, 2013. – № 3. – С. 151–165.
7. Хаузер М. Мораль и разум. – М.: Дрофа, 2008. – 640 с.
8. Barrera Manuel, Jr., and Felipe Gonzalez Castro, Department of Psychology, Arizona State University. A Heuristic Framework for the Cultural Adaptation of Interventions // Clinical Psychology: science and practice. – Winter 2006. – V. 13, № 4. – P. 311–316.
9. Inglehart Ronald. Culture Shift in Advanced Industrial Society // Princeton University Press. –Princeton, New Jersey. – 1990. – 484 p.
10. Madsen Elaine A., Richard J. Tunney, George Fieldman, Henry C. Plotkin, Robin I. M. Dunbar, Jean-Marie Richardson, David McFarland. Kinship and altruism: A cross-cultural experimental study // British Journal of Psychology. – May 2007. – V. 98, Part 2. – P. 339–359.
11. Ryan Christian. British outpatient norms for the Brief Symptom Inventory // Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice. – June 2007. – V. 80, Part 2. – P. 183–203.
12. Scruton R. The Soul of the World. – Princeton University Press. – Princeton and Oxford. – 2014. – 205 p.